Поцелуй василиска

Автор:
Полина Флер

Поцелуй василиска

Полина Флер

Поцелуй василиска #1

Никогда не думала, что однажды попаду в магический мир! Теперь меня принимают за наследницу знатного рода драконов, а мачеха насильно выдала меня замуж за жестокого фессалийского генерала. Его сердце отравлено, взгляд смертелен, а брак со мной – его последняя надежда избавиться от проклятия. Вот только жена василиска обречена на гибель в первую же брачную ночь. Удастся ли мне избежать смертельной опасности? По силам ли раскрыть дворцовые тайны и решить, где же теперь мой дом?

Полина Флер

Поцелуй василиска

Посвящается Елене В. и ее дочери Карине,

без которых не случилось бы сказки

Глава 1

Студентка, попаданка, наследница

Бежала, на ходу натягивая курточку. Проспала, проспала, проспала! Не надо было вчера до половины второго ночи болтать по скайпу с Артемом, да еще накануне зачета по немецкому. Вот и доболталась, что утром из пушки не разбудишь, прощай, тщательный утренний макияж. Рыжую гриву стянула в хвост, надела джинсы, новую васильковую блузку и ботильоны на каблуке, из сумочки, как назло, вываливались конспекты и шпаргалки, по телефону визжала суматошная Юлька:

– Маш, ты где? Я тебя на остановке уже пятнадцать минут жду!

– Бегу, Юль. Бегу и падаю, – ответила я, запнувшись о ступеньку и действительно едва не упав носом в лужу.

– Не будет через пять минут – я еду, – сказала Юлька и сбросила вызов.

– Смотри, куда прешь! – заверещала противная тетка с мелкой собачкой на поводке.

Я притормозила, пытаясь сделать сразу два дела: не выронить телефон и разминуться и с теткой, и с собачкой: мелкий той-терьер в синем комбинезончике облаивал меня, прилежно роя задними ногами газон.

– Простите, – буркнула я.

Тетка прощать не собиралась и продолжала на пару с собакой облаивать меня в спину:

– Прет, понимаешь, глаза вылупив! Куда с утра пораньше? Развелось проституток, приличным людям не пройти! Ишь, вырядилась! Змеища!

Я отмахнулась, пытаясь до ушей натянуть воротник. Моросил противный весенний дождик, а зонтик я конечно же не взяла. Да тут до остановки недалеко: обогнуть панельную «свечку» можно напрямик, через газоны, лавируя между бесконечными иномарками, там и сям припаркованными вдоль бордюров.

Снова затрезвонил телефон. Ну неужели нельзя подождать лишних пять минут?! Юль, да бегу я! Вон уже и остановку вижу. Телефон не унимался, действуя на

нервы, как и мелкая морось, капающая за воротник. Хотела удачный день? Получи, Маша, и распишись.

Не сбавляя шага, я принялась расстегивать сумку. Телефон, завалившись под конспекты, раздражающе звенел и звенел. А вдруг это Артем? Я заулыбалась, вспоминая вчерашний разговор. Скорее бы выходные, сходили бы с ним в кино, а потом… В груди потеплело, когда я подумала, что будет потом. Наконец нащупала телефон и увидела, как от остановки Юлька машет мне рукой.

– Иду! – крикнула я и шагнула на дорогу.

Летящую «Приору» я заметила в последний момент, но сделать ничего не успела и почувствовала удар. Такой сильный, что все внутри сжалось и оборвалось. Сознание я потеряла еще до того, как ударилась о землю…

Я очнулась от влажных прикосновений ко лбу, щекам, подбородку. Почему так темно и холодно? Я уже умерла или еще нет? Уберите это!

– Уберите, – простонала я, отводя чью-то руку.

Веки тяжело открывались, тусклый свет лился от изголовья, неприятный и желтый, в нем плавали пылинки, и очень хотелось чихнуть. Я сморщилась.

– Герр доктор, она очнулась.

Голос похож на Юлькин. Я снова застонала и попыталась пошевелиться, но тело слишком слабое, голова дурная, боль тупо засела в затылке.

– Нюхательную соль, скорее.

Я что-то замычала, пытаясь позвать Юльку. В желтом свете расплывались силуэты, пахло лавандой и накрахмаленным бельем. Под нос сунули какую-то склянку. Резкий запах заставил меня откинуть голову, и я все-таки чихнула.

Голова отозвалась звоном и гулом, зато силуэты обрели четкость, и я увидела склонившееся над собой лицо мужчины с пушистыми бакенбардами.

– Сколько пальцев видите, фройлен? Сколько пальцев? – Его рука тряслась перед глазами, пальцы двоились.

– Три? – наобум предположила я и испугалась своего голоса, слабого и больного.

– Верно, – с удивлением ответил мужчина и выпрямился. – Жюли, душечка, не стойте столбом. Поменяйте розовую воду и принесите чистое полотенце.
И скажите фрау, что фройлен Мэрион очнулась.

– Слушаюсь, господин доктор. – Девушка в простом коричневом платье и белом фартуке изящно присела, склонила темноволосую головку и выпорхнула из комнаты.

– Что со мной? – спросила я, едва ворочая языком.

Где я вообще? В больнице? У кого-то дома? Наверное, все-таки дома, и дом этот очень богат, на потолке лепнина с крылатыми херувимами, на окнах слегка раздвинутые шторы, тяжелые и лиловые, в тон нежно-лавандовых обоев, лампы не горят, кроме одной, той, что над моей кроватью. Мужчина с бакенбардами присел на краешек, погладил мое колено через шелковое, тоже лавандовое одеяло.

– Успокойтесь, фройлен Мэрион, вам нельзя волноваться после такой тяжелой болезни.

– Какой болезни? – Я выпростала из одеяла руку и вздрогнула – такая она худая и анемичная, венки просвечивают сквозь фарфоровую кожу, а на пальце – золотое колечко.

Но я не носила золото!

– Вашей болезни после того, как вы упали с лошади и ударились головой, – терпеливо пояснил доктор.

У него был мягкий голос и полноватые руки, костюм какой-то старомодный, коричневая в полоску тройка и золотая цепочка часов, тянущаяся через живот.

– Разве меня не сбила машина? – спросила я.

Доктор грустно улыбнулся, заглядывая мне в лицо.

– Бедное дитя. Вы заговариваетесь, вы в бреду, но я обещал его сиятельству, что к свадьбе вы полностью поправитесь. А вот и Жюли.

Уже знакомая мне девушка торопливо вбежала, неся на подносе кувшин и кипенно-белое, сложенное вчетверо полотенце. Доктор принял из ее рук поднос, поставил на стол, потом смочил полотенце и принялся обтирать мое лицо. По коже сразу пошли мурашки, я попыталась оттолкнуть его руки:

– Не надо… пожалуйста.

В голове крутились услышанные слова. Его сиятельство? Свадьба? О чем говорит этот человек?

Я попыталась приподняться на локтях, но голова закружилась, и перед глазами заплясали оранжевые мушки.

– Рано вставать, рано! – прикрикнул доктор и погрозил толстым пальцем. – Ох и егоза! Ох и ящерка! Убьетесь, а герр доктор отвечай перед фрау и генералом.

Он поцокал языком и насильно надавил на плечи, возвращая меня в кровать.
Я протестующе замычала, но доктор быстро накапал что-то янтарное и густое на деревянную ложку и ловко сунул мне в рот, тут же прикрыв мои губы влажными пальцами:

– Пейте-пейте, фройлен! Не капризничайте! Глотайте же!

Густая жидкость была сладкой, с мятным привкусом. Я покорно проглотила и улеглась, натянув одеяло до подбородка. Это ободрило доктора, и он похлопал меня по щеке:

– Умница, фройлен. Вот так, будете слушаться, и к вечеру я разрешу вам подняться. Хорошо?

Я кивнула, глядя в потолок и считая нагло рассевшихся херувимов. У младенцев почему-то были кожистые крылья и хитрые мордочки ящериц.

«Так и сходят с ума, – подумала я, закрывая отяжелевшие веки. – Может, лежу сейчас в коме, и все это мне снится…»

И провалилась в сон без сновидений.

Когда я проснулась, головная боль прошла, и в глазах ничего не двоилось. Комната не пропала и не изменилась, все так же тускло светила ночная лампа, в кресле дремала Жюли, уронив подбородок на грудь. Странный сон, с продолжением. Или я умерла и попала в чистилище. Вон у крайнего херувима торчит острый хвост, не ангелок, а натуральный демоненок. Осторожно, чтобы не разбудить девушку, я поднялась на подушках, их было очень много, больших и маленьких, обкладывающих меня со всех сторон. Одеяло соскользнуло в ноги, и сквозняк захолодил кожу. Я зябко повела плечами и спустила ноги с кровати.

Пол устилал белый ковер с густым и очень мягким ворсом. Подтянула сползающую лямку ночной рубашки, длинной, до самого пола, и такой же белой, как простыня.

«И как мое лицо», – хмуро добавила про себя, разглядывая отражение в трюмо.

Что авария была, я ни на минуту не усомнилась, вон и синяк на лбу, и царапина на подбородке. Лицо мое и не мое: тот же вздернутый нос в веснушках, но щеки впалые, под глазами тени, губы обветренные и бледные, как после затяжной болезни. Зато волосы куда гуще и длиннее моих, каскадом покрывают плечи и падают за спину густой рыжей волной.

Я задумчиво намотала локон на палец и слегка потянула. Проснусь или нет? Вот бы проснуться в своей спальне, а потом рассказать странный сон Юльке. Ох и посмеемся мы с ней! Хоть роман пиши под названием «Вот я попала!»

На трюмо склянки, маленькие и большие, пузатые и граненые, не то духи, не то лекарства. Взяла одну, покрутила, вынула пробку и понюхала. Все тот же лавандовый запах! Кажется, им пропиталось все вокруг, начиная от моей собственной рубашки и заканчивая шторами.

Заткнула склянку пробкой и вернула на место. С краю стояла картонная рамка с двумя рисованными портретами: который слева – мой собственный. Круглое, еще не тронутое болезнью лицо с нежнейшим румянцем, рыжие волосы собраны в сложную прическу, надо лбом бисерная нить жемчуга, плечи открыты, острые ключицы обнажены, и в яремной ямке удобно лежит белая капелька лунного камня. Справа – портрет мужчины.

Я вздрогнула, едва не выпустив картонку из рук, сердце взволнованно заколотилось.

Про таких говорят: лицо с обложки. Твердый подбородок, красиво очерченные губы, прямой римский нос и иссиня-черные волосы, постриженные коротко, по-военному, над левым ухом седая прядка. Вот только глаз не разглядеть за черными очками, так плотно пригнанными к лицу, словно мужчина родился в них. Именно эти очки почему-то приковали мой взгляд, я вглядывалась в них, холодея от мучительного предчувствия, сердце колотилось все быстрее, в ушах шумела кровь. Наконец ноги мои подкосились, я ахнула и выронила портрет.

– Ах, боже мой! – вскрикнула за спиной Жюли, просыпаясь и подскакивая с кресла, а я в полуобмороке осела в ее подставленные руки.

– Не надо, я сама, – запротестовала я, понемногу приходя в сознание.

Колени еще подгибались от слабости, тело налилось тяжестью, губы дрожат. Я дотронулась до них пальцами и отняла – на подушечках алела капелька крови. Прикусила, должно быть. Жюли усадила меня на кровать и, охая, принялась отирать лоб полотенцем, смоченным в душистой воде. Я отпихивала ее руки, бормотала:

– Не надо, я уже в порядке, все хорошо.

– Что же вы встали? – причитала девушка. – Герр доктор не велел, придет фрау Кёне, ох и заругается! Помилуйте, фройлен…

– Кто это, Жюли? – спросила я, медленно моргая и пытаясь сфокусировать взгляд.

Комната снова расплывалась и прыгала, ангелочки-ящерки подмигивали, дразнясь острыми язычками.

– Мачеха ваша, – ответила Жюли, отбегая от меня и поднимая с пола картонку. Подула на оба портрета, обтерла фартуком и водрузила на место. – Неужто позабыли?

– Нет, я про портрет. Кто рядом… со мной?

Было непривычно говорить это. Болезненная девушка на портрете – не я, хотя и похожая на меня, как зеркальный двойник. Жюли опасливо покосилась на картонку, по-детски шмыгнула носом и ответила, глядя в сторону:

– Ах… неужели не узнали? Жених это ваш, генерал фессалийский, его сиятельство Дитер фон Мейердорф.

Жених? Вот как…

Я длинно выдохнула и покрутила колечко на пальце. Тонкое, очень изящное, гладкое. Явно обручальное.

«Проснись, Маша! – строго сказала себе. – Даю тебе последний шанс! На раз, два, три ты проснешься и поедешь на зачет в любимый институт, будет моросить дождик, а тетка у подъезда назовет тебя проституткой. Итак, на «три» просыпаешься. Запомнила? Раз. Два. Три!»

Я ущипнула себя за запястье, но ничего не произошло. Вместо этого двери распахнулись, и в комнату вплыла высокая женщина, ее юбки шуршали по полу, как крылья мотыльков.

– Жюли, почему душно? – спросила она, поджимая узкие губы.

Девушка присела и пролепетала:

– Доктор не велел устраивать сквозняков, фрау Кёне.

– Пустяки! – Женщина властно взмахнула рукой, затянутой в шелк перчатки. – Фройлен Мэрион нужен свежий воздух! Только оденьтесь, ради бога, неприлично девушке на выданье сидеть в одной сорочке, когда в комнату могут войти мужчины.

Во второй раз мне пеняют на одежду и моральный облик. Я закатила глаза и завертела головой. Конечно, нет ни джинсов, ни блузки. Шурша оборками, фрау Кёне проследовала к окну и широким жестом раздернула шторы. Комнату затопил свет, пылинки закружились веселее, и я зажмурилась.

– Вот так, вот так! – приговаривала фрау Кёне, словно гвозди забивала. – Вот так надо!

Она провела пальцем по рядом стоящей статуэтке, брезгливо сморщила нос:

– Лентяйка! За что жалованье плачу? Немудрено, что фройлен Мэрион никак не поправится и выглядит бледной молью. Загубишь мне товар!

Товар?!

Я чуть не подскочила и скомкала одеяло, пылая от возмущения. Но фрау Кёне, не глядя на меня, подошла к побелевшей Жюли и отвесила ей пощечину. Бедная девушка даже не пикнула, закрылась рукой и опустила голову, продолжая бормотать:

– Простите, фрау Кёне. Простите… больше не повторится…

Женщина погрозила скрюченным пальцем и сощурила водянистые, немного навыкате, глаза.

– К ужину чтобы все сияло! А вы, моя дорогая, – наконец она обратила на меня внимание, – будьте добры выполнять указания герра доктора, и к вечеру вы должны цвести, как пион. Я сообщила о вашем выздоровлении, и по такому случаю его сиятельство пожелал нанести нам личный визит.

Я вздрогнула вторично. Взгляд сам собой пополз к портрету, но между ним и мной встала фрау Кёне и, наклонившись ко мне, подцепила жесткими пальцами

подбородок. От нее удушливо пахло розами, напомаженные губы растягивались в жуткую улыбку.

– И повторите правила хорошего тона, дорогая Мэрион, – грудным голосом тихо произнесла фрау Кёне, все ниже и ниже наклоняясь к моему уху, пока не прислонилась своей сухой нарумяненной щекой. – Только попробуйте не понравиться жениху и опозорить наш дом и род своего покойного отца… – Она вцепилась в мое ухо и дернула так, что я едва удержалась от вскрика, а из глаз помимо воли брызнули слезы. – Все космы повыдергаю, тонкие пальчики ваши переломаю и скормлю королевским вивернам. Все поняли, дорогая моя падчерица? Наследница дома Адлер-Кёне, проклятое семя, чертовка?

Отпустив мое ухо, фрау Кёне выпрямилась и мило улыбнулась все еще бледной служанке.

– Приготовьте госпоже платье, Жюли. Доктор разрешил прогуляться по саду, пусть наша невеста освежится. Нет сил терпеть в доме эту бледную немочь, а свежий воздух пойдет на пользу и придаст щечкам здоровый румянец. Только за пределы поместья не выходите, слышали, Жюли? За фройлен Мэрион отвечаете головой передо мной, его сиятельством и самим королем!

Глава 2

Беседа в беседке

Ухо горело, щеки горели и горели рыжие волосы в солнечном свете, пробивающемся сквозь невесомый тюль. Жюли пыхтела над прической, закалывала шпильками непослушные локоны, но они, пружиня, снова падали то на висок, то на лоб. Я сдувала их, выпячивая губы и внутренне пылая.

Товар, значит? Жених, значит? Да что себе позволяет эта старая карга?

Я закусывала губы, понимая, что в этом доме фрау Кёне позволяет себе многое. Найти бы телефон, позвонить в полицию. Да и есть ли тут телефоны? Все выглядят и ведут себя так, будто снимаются в историческом сериале.

– Не вертитесь, госпожа, я должна затянуть корсет.

От пыточного инструмента под названием «корсет» глаза на лоб полезли.

– Не так сильно! Все ребра переломаешь! – Я шлепнула ее по руке.

– Ах, простите! – Жюли ослабила шнуровку, дышать стало легче, зато грудь соблазнительно приподнялась, и лунная подвеска красиво легла в декольте. – Ну какая же вы красавица!

Я невольно зарделась и залюбовалась собственным отражением, что случалось редко. Настоящая юная леди из высшего света: в ушах изящные серьги в комплект к подвеске из лунного камня, нежно-бирюзовое платье с открытыми плечами. Лицо, конечно, бледновато, но Жюли надеялась, что прогулка на свежем воздухе это исправит.

– И так похожи на свою маму… – со вздохом добавила девушка, но тут же испуганно глянула на меня и поспешно добавила: – Ох, простите!

– Ничего, – улыбнулась я. – Мне часто об этом говорят.

– Представляю, – ответно улыбнулась Жюли. – Наверное, вы очень тоскуете по ней.

– Немного, – осторожно подыграла я. – А какая она была?

– Разве вы не помните? – удивленно приподняла брови служанка.

Я вздохнула. Когда не знаешь, что сказать, приходится выворачиваться.

– После болезни все как в тумане.

– Понимаю. – В голосе Жюли послышалось сочувствие. – Фрау Адлер была очень красива, мне так жаль, что она умерла в столь молодом возрасте. Ее портрет до сих пор висит в кабинете вашего покойного отца, хотя фрау Кёне давно завесила его портьерой. Когда вы были моложе, то часто бегали туда без спроса, и вам сильно доставалось от фрау. Но пока был жив герр Адлер-Кёне, он защищал вас.

– Папа тоже умер?

– Всего два года назад, – вздохнула Жюли. – Вы и это не помните?

– Немного, – туманно ответила я и заработала полный жалости взгляд.

– Ах, бедная госпожа! – Жюли всплеснула руками. – Если бы добрый хозяин был жив, он никогда не сосватал бы вас за его сиятельство! – Тут она опомнилась и потянула меня за локоть. – Но пойдемте же в сад! К ужину вы должны цвести!

Кому должна? Уж точно не фрау Кёне, пообещавшей переломать мне пальцы, если я не понравлюсь жениху. Я снова покрутила тугое колечко, оно оказалось по размеру и совершенно не мешало, но для меня было подобно кандалам. Я не готова замуж! Я не хочу! Тем более за неведомого мужчину, которого и в глаза никогда не видела.

Я позволила Жюли увлечь себя из комнаты, и мы спустились по широкой лестнице с перилами из красного дерева, также украшенными не то ангелочками, не то ящерками. Натертый паркет скользил под каблуками новых туфелек, подобранных в тон платью. С непривычки я ощущала себя коровой на льду и шла, придерживая подол и ловя на себе тревожные взгляды служанки. Она семенила рядом, как верная болонка, и я поняла, что девушка никогда не оставит меня одну, значит, и мысли о возможном побеге лучше отложить до поры до времени. Да и куда бежать? Это всего лишь странный сон. Скорее бы он закончился!

Широкий холл украшала резьба: цветы и стебли переплетались в удивительно изящном узоре, над головой позвякивали хрустальные подвески на люстре, и я остановилась, невольно приоткрыв рот, – во всю стену мозаикой было выложено панно, изображающее дракона. Каждая чешуйка сверкала белизной, клыки в ощеренной пасти отливали перламутром, а в глаза были вставлены топазы.

– Как красиво, Жюли! – восхищенно выдохнула я.

Девушка поклонилась, сложив на груди ладони, и ответила:

– Белый Дракон, хранитель вашего рода, моя госпожа. Я счастлива служить дому Кёне и вам.

Потом на ее лицо набежала тень. Не глядя на меня, Жюли поджимала губы, теребила фартук и все порывалась о чем-то спросить, но никак не решалась. Наконец мне стало жаль девушку, я взяла ее под руку и проговорила:

– Не бойся, Жюли. Если ты хочешь что-то мне сказать, самое время сделать это.

Она испуганно кивнула и вся зарделась, а потом тихонько ответила:

– Я бы хотела просить вас, госпожа Мэрион… когда вы выйдете замуж и уедете во дворец его сиятельства, вы могли бы взять с собой свою верную наперсницу Жюли? – она подняла на меня умоляющий взгляд.

Опять эти разговоры про замужество. Ну сколько можно! Я нахмурилась, а девушка неправильно поняла меня, распахнула от испуга глаза и залепетала быстро-быстро, путаясь в словах:

– Простите меня за дерзость, госпожа! Но я так волнуюсь… так волнуюсь за вас. Я росла рядом с вами и не мыслю жизни без вас. Может, со мной вы не будете чувствовать себя одиноко… там, на чужбине. Я знаю, вам будет страшно в этом проклятом логове василисков… а я здесь умру, умру… фрау Кёне забьет меня плетьми или отдаст молодому господину, и он… Нет-нет! Я лучше брошусь в пруд с камнем на шее, чем останусь здесь одна, без вас!

Тут ее голос дрогнул, со стороны потянуло сквозняком, и я поежилась и дернула плечами:

– Да что ты такое говоришь.

Девушка, всхлипывая, схватила меня за руки и продолжила, сбиваясь:

– Если вам суждено покинуть отчий дом, я покину его с вами! И если суждено… суждено погибнуть на чужбине, – теперь слезы ручьями полились из ее глаз, – я склоню свою голову рядом с вами и вместе с вами отправлюсь на погребальный костер!

Вот теперь мне стало по-настоящему жутко. Я вспомнила портрет мужчины в темных очках, угрозу фрау Кёне скормить меня… кому? Вивернам, это я хорошо запомнила. А лучше бы не запоминала, потому что поселившийся в животе страх приподнял свою змеиную голову и приоткрыл зубастую пасть, из которой закапал яд сомнений, разъедающий изнутри. В холле потемнело, золотой дракон притаился в тени, и я в панике потянула девушку за собой:

– Пойдем, Жюли. Конечно, я возьму тебя.

Она бросилась на колени, осыпая поцелуями мою руку и повторяя слова благодарности. У меня внутри все дрожало от плохого предчувствия, корсет нещадно давил на ребра, и в глазах помутилось. Очевидно, чуткая Жюли уловила мое состояние – она тут же поднялась с колен и распахнула двери:

– Выйдем в сад, моя госпожа. На воздухе вам будет лучше.

Такие сады я видела только на картинках. Изумрудные аллеи лучами разбегались от крыльца, у лестницы высились вазоны с нежными розами и гибискусами, белоголовая акация клонила к тропинке кудряшки. Садовник, подравнивающий кусты, остановил работу и замер в поклоне, прижимая к комбинезону большие ножницы. Я неловко помахала ему рукой и заработала встревоженный взгляд служанки. Наверное, не пристало наследнице рода Белого Дракона махать слугам, да?

– Красиво, Жюли, – улыбнулась я.

Девушка расцвела и потянула меня вдоль аллеи.

– До болезни вы здесь любили проводить время. – Она указала на увитую глицинией беседку. – Хотите, я принесу вам незаконченное рукоделие?

Рукоделие? Я вскинула брови. Да я и пуговицу пришиваю, исколов все пальцы в кровь, но теперь получила новый мир, новую семью и новые увлечения. Ничего, со временем во всем разберусь. Узнать бы, что действительно меня ожидает.

Я едва не рассмеялась: да брось, Маш! Это ведь сон, так? Расслабься и получай удовольствие, завтра посмеешься над этим с Юлькой и Артемом.

– Жюли, расскажи мне о его сиятельстве, – осторожно попросила я.

Кажется, девушка уже привыкла к моим бестолковым расспросам, поэтому почти не удивилась, только пугливо обернулась вправо, влево – никого. Она длинно выдохнула, обеими ладонями пригладила темные локоны и робко ответила, глядя в сторону:

– Что же вы хотите узнать, моя госпожа?

Действительно, что? Кто он такой? Почему меня выдают за него? Что здесь вообще происходит? Не годился ни один из этих вопросов, поэтому я задала совершенно новый, первым прыгнувший на язык:

– Почему на портрете он в темных очках?

Видимо, тут я не угадала, потому что Жюли вздрогнула, испуганно стрельнула на меня взглядом и только тогда совсем тихо проговорила:

– Потому что он василиск, моя госпожа. Разве вы не помните?

– Конечно, помню, – соврала я.

Любопытный получается мир: драконы, василиски, виверны. Немудрено, что здешние херувимы напоминают ящерок. Я вдруг вспомнила, как вслед мне злобно шипела тетка возле подъезда: «Змеища!» Что, если она меня прокляла?!

Я застыла как вкопанная, бездумно глядя перед собой. Снова как наяву почувствовала удар, затылок заныл от тупой боли, и я дотронулась дрожащими пальцами до прически.

– Вам опять плохо? – всполошилась Жюли и, подхватив меня под локоть, увела в беседку.

Здесь сновали вертлявые тени – солнце сочилось сквозь заросли глицинии, как сквозь золотое ситечко. Я прикрыла глаза ладонью и слабым голосом спросила:

– А почему… почему он… такой?

Жюли присела рядом, погладила меня по руке:

– Ах, бедная моя госпожа! В голове у вас действительно все перепуталось от удара. Зачем фрау Кёне затеяла званый ужин, вам еще нужен отдых.

– И все же?

Служанка вздохнула и опустила глаза.

– Генерал фон Мейердорф – бастард, незаконнорожденный сын герцога Мейердорфского, – пояснила она. – Только мне непозволительно судачить об этом.

– Я буду нема как могила, – поклялась я, но Жюли почему-то испугалась.

– Не говорите такие вещи, умоляю! – воскликнула она и суеверно сплюнула через плечо. – Я не перенесу, если с вами что-то случится. Ах, если бы был жив добрый герр Кёне! Он бы ни за что не благословил этот брак! О!

Жюли явно разнервничалась, ее личико раскраснелось, она подпрыгивала на лавке, как испуганный воробышек.

– Но почему, моя хорошая? – Я взяла ее мокрые ладони в свои, несильно сжала, заглядывая в глаза, снова наполнившиеся слезами.

– Потому что фон Мейердорф проклят с рождения! – выдохнула Жюли. – Об этом знают все в Фессалии, от Теплых островов до снежного Тиррса. Он страшный человек, правда-правда! – Она снова начала задыхаться, сглатывая слова. – Не погрешу против истины и бога, добрая госпожа, но, чтобы принять титул, он откусил голову собственному брату, истинному наследнику рода фон Мейердорф!

– То есть как… – начала я и умолкла, не в силах продолжить.

Перед глазами встала картинка: зубастая пасть, перекусывающая сухожилия, как щепки. Фонтаном брызнувшая кровь окатила портрет и потекла по холеному

лицу. Я икнула и замотала головой, прогоняя наваждение.

– Ему никто не смеет перечить, – не унималась Жюли. – Все, на кого упадет его взгляд, обращаются в камень. Вы видели его портрет? Художник, что рисовал его, теперь выставлен на аллее перед дворцом его сиятельства. А еще генерал в одиночку разгромил отряд степных кочевников и первым приручил двенадцатиголовых болотных гидр. Теперь эти чудовища наравне с вивернами обитают в королевском зверинце.

Я никогда не видели ни гидр, ни виверн. Если это действительно сон, было бы интересно поглядеть на тех и на других.

– А как попасть в королевский зверинец? – спросила я с нескрываемым любопытством.

Жюли открыла рот, чтобы ответить, как вдруг подскочила и присела в почтительном реверансе:

– Ах, герр Кёне! Простите, не заметила вас, молодой хозяин!

Я выпрямилась и обернулась. У входа, небрежно привалившись плечом к выбеленным резным перильцам, стоял худощавый парень в сюртуке горчичного цвета. Он неприятно ухмылялся, не сводя с меня взгляда водянистых глаз, под которым стало крайне неуютно.

– Где еще я мог встретить любезную сестренку, как не в ее любимой беседке? – вкрадчиво проговорил молодой человек и лениво отлепился от перилец.

– Герр доктор велел… – начала Жюли, но парень взмахнул рукой, приказывая ей замолчать.

– Герр доктор велел то, герр доктор велел се, – передразнил он. – А я велю убираться сейчас же! Ну? Чего уставилась, дрянь! – Молодой человек хлопнул в ладоши, и Жюли подпрыгнула, стреляя глазами то в меня, то в него. – Пошла, пошла!

– Жюли… – Я протянула руку, поднимаясь.

– Я приказал оставить нас! – взревел незваный визитер, хватаясь за кнут, висевший на его поясе. – Считаю до одного! Раз!

Жюли беспомощно глянула на меня, словно прощаясь, и метнулась вон из беседки. Я возмущенно вскинула голову:

– По какому праву…

Молодой человек вошел внутрь и сжал ладонями мои обнаженные плечи. Его руки были влажными и грубыми. Я задохнулась от конского пота, смешанного с резким запахом туалетной воды.

– По такому, что я твой сводный брат Якоб, моя дорогая, – щерясь в неприятной ухмылке, ответил он. – Как же я соскучился!

Тут Якоб притянул меня к себе и впился слюнявым поцелуем в шею.
Я вскрикнула и ударила его кулачками в грудь. Якоб хохотнул и прикусил зубами мою нежную кожу.

– Не спрячешься, малышка! – промурчал он, облизывая ключицу языком. – Ух, какая сладкая! Погоди-ка, дай поцеловать, пока твой бутон не смяли когти этого фессалийского чудовища!

И впился мокрыми губами в мой рот, пытаясь просунуть язык и по-собачьи жарко дыша в лицо. Я задохнулась от омерзения, забилась в его объятиях, мотая головой и приказывая себе: «Проснись, проснись, проснись!» Но мерзавец все продолжал слюнявить мои губы, бесстыдно шаря ладонями по спине, приподнимая платье и лапая ягодицы. Подонок! Не ты герой моего романа!

Кровь прилила к голове, щеки вспыхнули от гнева. Я улучила момент, когда Якоб ослабил объятия, пытаясь распустить мой корсет, и со всей силы вдавила каблук в его ступню. Братец ахнул и дернулся, я подхватила юбки и ударила коленом в пах.

Получай!

Якоб взвыл и сложился вдвое. Я отскочила, тяжело дыша и поправляя платье. Сердце колотилось как сумасшедшее, голова гудела. Толкнув подонка плечом, прошмыгнула мимо и припустила по аллее, щипая себя за руку и повторяя как заклинание:

– Маша, просыпайся… Маша, просыпайся!

А в спину летело лающее:

– Тварь! Чертовка! Беги-беги! Все равно не скроешься! Сдохнешь! Как и все жены Дитера! Га-а!

Я вылетела к клумбе с цветущими ирисами и едва не толкнула лакея. Он подхватил меня, встревоженно выспрашивая:

– Что случилось, фройлен? Нужна помощь, да? Может, позвать герра доктора?

– Позовите лучше полицию, – зло выпалила я, отдуваясь и тыча пальцем назад. – Эта скотина… он…

Я не договорила: где-то далеко-далеко за воротами протяжно и жутко взвыли трубы.

Глава 3

Ужин с василиском

Из дома выбежала мачеха и всплеснула руками:

– Фройлен Мэрион! Вот вы где прохлаждаетесь! Скорее, скорее!

Жесткими пальцами, напоминающими когти хищной птицы, она схватила меня за руку и потащила за собой, обратно в холл. Я едва успевала, платье путалось в ногах.

– Приведите себя в божеский вид! – срывающимся от волнения голосом прокаркала фрау Кёне, подтянула мне шнуровку корсета, отряхнула запыленную юбку, ладонями пригладила локоны, убирая их за уши, потом ущипнула за щеку.

– Ай! – вскрикнула я и закрылась ладонью.

Щека зарделась, но я почему-то все равно не просыпалась. В чем дело? Давай же, Маша! Я больше не хочу находиться здесь!

– Терпи, дрянь! – прошипела мачеха, сужая в щелки черные глаза, и ущипнула за другую щеку. – Ужас какая вы бледная! Его сиятельство любит порумянее, посочнее. Еще не хватало, чтобы вы загнулись до первой брачной ночи!

– Я в невесты не набивалась, – пробормотала вслух.

Тонкие, выщипанные в нитку брови фрау Кёне поползли вверх, как живые змейки.

– Что-что-что? – задыхаясь от гнева, завопила она. – Огрызаться? Ах вы неблагодарная мерзавка!

Она подняла руку, чтобы отвесить мне оплеуху, как трубы взревели снова. Фрау Кёне побелела, заюлила глазами и закричала в глубину дома:

– Жюли! Жюли! Где ты бегаешь, несносная девчонка?

Служанка вынырнула из-под лестницы, дрожа как осиновый лист.

– Приготовь фройлен Мэрион к встрече с женихом! Ах нет, не успеем, придется в таком виде… – Фрау Кёне дернула меня за мочку уха, погрозила пальцем. – Ведите себя прилично, как подобает невесте, молодая особа! Что с ужином, Жюли? Все ли готово?

– Не совсем, фрау Кёне, – почтительно присела служанка. – Его сиятельство слишком рано.

– Рано… Не твоего ума дело! Где Якоб?

– Только что я видела герра Кёне в беседке, – ответила Жюли.

Я хотела добавить, что там же герр Кёне пытался облапить меня, пока не поставила его на место, но массивные двери на противоположной стороне холла раскрылись, и пожилой дворецкий, облаченный в черный длиннополый сюртук, торжественно, на одном дыхании возвестил:

– Его сиятельство герцог Мейердорфский, верховный главнокомандующий Фессалии генерал Дитер фон Мейердорф прибыли!

– Ах! – воскликнула фрау Кёне.

– Ах! – повторила служанка.

Я прижала ладонь к груди, успокаивая несущееся в галопе сердце. Фрау Кёне потащила меня к выходу, Жюли тенью метнулась следом, и все вместе мы шагнули на широкую мраморную лестницу, опускающуюся с другой стороны сада в широкий двор, со всех сторон окруженный витой оградой.

Только не лестница и не ограда приковали мой взгляд.

Виверны!

Теперь и мне захотелось ахнуть, но я только прижала ладонь к губам и едва слышно выдохнула через ноздри.

Два огромных ящера с массивными лапами тянули вверх змеиные шеи. Чудовища, переминаясь, нешироко раскрывали рты, стянутые уздой, пытались перекусить удила, и я видела, как поблескивают в пастях игольчатые зубы – такими запросто можно перекусить запястье. На всякий случай я спрятала руки за спиной. Кожистые крылья были сложены вдоль хребта и перетянуты ремнями. Пытаясь освободиться, виверны дергали ими и в ярости взбивали гравий тугими, свернутыми кольцами хвостами. От чудовищ несло тяжелым звериным духом, солнце жарило с высоты, постепенно опускаясь к западу, и чешуя виверн отливала то в медь, то в золото. Одна из них вытянула шею, приоткрыла пасть и

издала тоскливый, скрежещущий вой. Я прижала ладони к ушам и вот теперь поняла окончательно, что это не сон.

Не сон, не сон!

Мне стало душно, в глазах замельтешили темные мушки. Я махнула рукой перед лицом и задела как из-под земли вынырнувшего Якоба. Он осклабился и, улучив момент, щипнул меня за шею:

– Попалась!

Фрау Кёне тут же обернулась через плечо и нахмурилась:

– Якоб, дорогой. Вот и вы наконец. Выразите почтение его сиятельству и распорядитесь насчет виверн.

– Как скажете, матушка, – с готовностью ответил мерзавец, нахально подмигнул мне и причмокнул губами, изображая поцелуй.

Я брезгливо покривилась и отступила. Фрау Кёне сжала мой локоть и зашипела сквозь растянутые в улыбке губы:

– Не дергайтесь, молодая кобылка. Вспомните о приличиях.

Я оглянулась, отчаянно ища лазейку. Но путь к отступлению перекрывал дворецкий, справа меня держала фрау Кёне, слева – Жюли. А впереди ревели и мотали змеиными башками чудовища. Ничуть не пугаясь, Якоб бежал к ним, на ходу разматывая хлыст. Кто-то оглушительно, по-разбойничьи свистнул, и одна из виверн как по команде склонилась к земле. На спине у нее, между шеей и основанием крыльев, оказалось приторочено седло. Сидящий в нем человек привстал на стременах, снова залихватски свистнул, завертел хлыстом, взбивая гравий под лапами чудовища, и, лихо перемахнув через седло, спрыгнул на дорожку. Подоспевший Якоб поклонился, прижимая ладони к груди, и заголосил:

– Мое почтение, ваше сиятельство! Это честь, большая честь видеть вас…

– Довольно, – перебил холодный и властный голос. – Виверн в стойло. Не кормить, они хорошо поохотились на маралов. Мне бокал вина, моему адъютанту воды. Да пошевеливайся.

Рукояткой кнута мужчина хлопнул Якоба по щеке. Хозяйский сынок вздрогнул, пролепетал:

– Слушаюсь, ваше сиятельство! – и принялся ловить поводья.

Я замерла, как завороженная глядя на приближавшегося мужчину в белоснежном военном мундире.

Это был он, человек с портрета. Генерал из Фессалии и мой жених.

Он шел расслабленно, на ходу лениво сворачивая кнут. Из-под начищенных сапог выкатывался гравий, закатное солнце горело на эполетах и отражалось от темных очков. Мне почему-то очень хотелось разглядеть его глаза. Какими они будут, человеческими или змеиными? Я всматривалась в бледное точеное лицо, в брезгливо кривящиеся губы, и шум в ушах нарастал, все сильнее мельтешили перед лицом мушки, сознание плыло, мир вращался каруселью, пожирая стоящих рядом людей, ограду, сад, виверн и оставляя только эти черные стекла, за которыми таилось… что?

– Смерть, – шепнула на ухо Жюли. – Не смотрите на него так долго, моя фройлен. Его сиятельство опасен даже в очках.

Я послушно опустила глаза, и верчение карусели замедлилось, пятна растаяли и пропали, но дыхание не выровнялось – корсет все так же сжимал грудь, и сердце бухало в такт шагам приближающегося генерала. Я видела, как черные сапоги чеканно отбили мраморные ступени, услышала не то вздох, не то стон стоявшей рядом мачехи. Будто во сне она протянула длань, и генерал почтительно взял ее ладонь своими пальцами, затянутыми в лайковую перчатку.

– Ваше сиятельство, – задыхаясь, проговорила фрау Кёне. – Я польщена…

Он наклонился, касаясь губами ее руки, и женщина вскрикнула, но тут же опомнилась и прижала ко рту ладонь:

– Простите…

– Я тоже польщен и рад приглашению, – пропуская извинение мимо ушей, ответил генерал без тени радости в голосе. – А это, надо думать, наша прелестница?

Сапоги качнулись и повернули ко мне блестящие носы. Я все еще не поднимала глаз, борясь со страхом и дурнотой, и только почувствовала, как жесткие пальцы сжали мою взмокшую ладонь.

– Счастлив познакомиться с вами, – все так же бесстрастно сказал генерал. – Да что же вы не смотрите на меня?

– Не смею… ваше сиятельство, – упавшим голосом выдавила я.

Генерал неодобрительно хмыкнул и поддел меня за подбородок, заставляя поднять лицо. Я уперлась взглядом в золотое шитье мундира, пересчитала пуговицы, остановилась на тугом стоячем воротнике, плотно охватывающем шею, мельком глянула на гладко выбритый подбородок и выше…

Тут в голове все смешалось, завертелось, поплыло, и я очнулась на руках у Жюли. Она дула мне на лоб, обмахивая платочком. Рядом, покачиваясь с пятки на носок, как кобра на хвосте, стоял генерал. Я покосилась на его лицо, на котором отражалось нескрываемое недовольство, и снова отвела взгляд.

– Очнулись? – донесся ледяной голос генерала. – Прекрасно. Но где же мое вино?

Грубо оттолкнув плечом дворецкого, он прошел в дом.

Колени все еще подкашивались от слабости, Жюли поддерживала меня как могла.

– Что со мной? – выдавила я. – Почему…

– Я предупреждала, чтобы вы не смотрели на его сиятельство слишком долго, – шепнула Жюли. – Вы едва не упали в обморок, а могли бы и умереть.

Я стиснула зубы и, преодолевая слабость, прошла через холл. Ладно, разберемся позже, куда я попала и что со всем этим делать, живой бы остаться. Еще и с кухни доносились чудесные ароматы, и я вспомнила, что не ела с утра.

В столовой приглушенно горели свечи, воткнутые в латунные рожки. Их дрожащий свет отражался в полированной поверхности стола, занимавшего пространство от одной стены до другой, – такие я видела только в кино, и сервировка была тоже киношная, царская. Фарфоровые тарелки, блюда, бокалы на длинных изогнутых ножках, целая куча ложек и вилок… глаза разбежались, и я сразу вспомнила, как фрау Кёне наказала мне повторить правила этикета.

Фессалийский генерал и мой будущий супруг – вернее, супруг несчастной Мэрион, в теле которой так некстати оказалась я, – расположился на дальнем конце стола. На противоположном в бархатное кресло опустилась я, и Жюли тут же укрыла мое платье накрахмаленной салфеткой, а сама встала за плечом. Мачеха села от меня по правую руку, подошедший Якоб – по левую. А больше в доме господ не было, только слуги, тут же выбежавшие из кухни с закусками: вяленым мясом, салатом в хрустальных вазочках, оленьими языками, почками и запеканкой. За кресло генерала встал адъютант – молодой парень, ровесник Якоба. Он был одет в мундир попроще, по темно-синей курточке вилось серебряное шитье, светлые волосы были заплетены в маленькую косичку, и очков никаких не было, отчего я с облегчением вздохнула. Адъютант передал генералу пузатый бокал с вином, и тот вскинул руку в тосте:

– За дом Адлер-Кёне, столь радушно принявший меня сегодня. За фройлен Мэрион, мою будущую супругу.

И, не дожидаясь ответа, опрокинул бокал в глотку.

Мачеха с сынком переглянулись, но ничего не сказали. Якоб сделал пару глотков, фрау Кёне лишь смочила губы, а я и вовсе не притронулась. Не то от переживаний, не то от недомогания, но есть хотелось безумно. Я растерянно хлопала ресницами, соображая, какую из вилок взять, и вздрогнула, когда к уху наклонилась Жюли и тихонько шепнула:

– Берите эту.

Я с благодарностью похлопала ее по руке.

Тем временем внесли суп. Передо мной поставили маленькую миску и открыли крышечку. Я с блаженством вдохнула острый аромат приправ и принялась уписывать за обе щеки, не обращая внимания ни на кислую физиономию мачехи, ни на вытянувшееся лицо Якоба. Жюли хихикнула в кулачок. Генерал оторвался от еды и поднял голову. В меня точно раскаленные спицы воткнули, я вздрогнула и уронила ложку.

– Фройлен Мэрион! – возмущенно выпрямилась мачеха. – Вы…

– Нет-нет, – перебил ее генерал. – Все в порядке. Фройлен оправляется от долгой болезни, ей нужно набираться сил.

Он продолжил пялиться на меня сквозь очки, и я не могла понять, смеется он или говорит серьезно, зато от его взгляда снова заломило в висках, и я невольно вцепилась в края скатерти.

– Ганс, плесни-ка еще вина! – быстро приказал генерал и отвел взгляд.

Раскаленные спицы, шурупами вворачивающиеся в виски, исчезли, я выдохнула и отпустила скатерть. Надо бежать. Улучить момент и бежать! Вот только куда?

– Смею спросить, ваше сиятельство, – подал голос Якоб, – как дела у нашей армии на западном фронте?

– Без перемен, – флегматично отозвался генерал, принимая у адъютанта второй бокал. – Границу укрепили, так что канторские свиньи не сунутся в Фессалию.

– А все ли благополучно в альтарской колонии? – не отставал Якоб, не обращая внимания на знаки, которые подавала ему фрау Кёне.

– По-прежнему. Тут обворовывают, там режут. Три дня назад мои солдаты повесили мятежников у главных ворот. Пусть знают шелудивые псы, как связываться с фессалийскими драконами.

Генерал сухо рассмеялся и в несколько глотков осушил бокал. Потом, отставив в сторону, наклонился над столом, и я снова ощутила, как по коже побежали колючие мурашки, но теперь генерал смотрел не на меня.

– А вы, герр Кёне, – низким голосом проговорил он, – почему не приняли военную присягу в день вашего совершеннолетия? Вы ведь знаете, что за отступничество полагается…

Он недвусмысленно и совершенно без улыбки провел ногтем под подбородком.

Якоб отшатнулся и выронил ложку. Она звякнула о фарфор, и рядом стоящая солонка опрокинулась.

– Юный господин! – подскочила в своем кресле мачеха.

Жюли бросилась к ней и, на ходу вынимая салфетку, запричитала:

– Я уберу, уберу. Не извольте беспокоиться, фрау Кёне.

И принялась ловко смахивать со стола. Я смотрела на Якоба и внутренне торжествовала: мерзавец, только и умеющий, что задирать девушкам платья, сидел ни жив ни мертв, вся краска в одночасье сошла с его лица, губы шлепали, как у выброшенной на берег рыбы.

– Я… я… – заикался он и не мог ничего сказать толком.

На помощь ему пришла фрау Кёне.

– Простите, ваше сиятельство, – сказала она. – Это все мой недогляд. Якоб рос крайне болезненным ребенком, немудрено, что я так долго опекала его. Но теперь, когда наши дома породнятся, он будет счастлив поступить к вам на службу в качестве адъютанта или…

– Конюха, – перебил ее генерал. – Этот дохляк годен только для службы конюхом, но не адъютантом. Как думаешь, Ганс?

Парень за его плечом шевельнулся и отрапортовал четко, по-военному:

– Так точно, ваше сиятельство! Конюхи нам нужны!

– Почту за честь, – просипел Якоб, зеленея от злости.

Фрау Кёне поджала губы и велела подавать вторые блюда.

Принесли утку с яблоками, молочного поросенка на вертеле, рыбное филе под соусом и котлеты из рябчиков. Мне с фрау Кёне отрезали всего по кусочку, мужчины налегли на мясное, и каждое блюдо генерал запивал доброй порцией вина прямо из кувшина, который в конце концов забрал из рук адъютанта Ганса. Пил и не пьянел, держал осанку, но с каждой минутой становился все угрюмее. Рядом с ним каждый чувствовал себя не в своей тарелке, кусок не лез в горло, и фрау Кёне все порывалась что-то спросить, но робела. Когда половина тарелок опустела, она все-таки решилась:

– Как насчет того, чтобы обговорить дату свадьбы, ваше сиятельство?

Я замерла, забыв дышать. Снова вернулось ощущение нереальности происходящего. Я сидела в богато убранной столовой, стилизованной под старину, я – студентка из двадцать первого века. Что я тут делаю, среди драконов, виверн, господ и слуг? Бежать бы… вот только куда?

Генерал молча прожевал кусок, отхлебнул из кувшина, промокнул губы и ответил:

– Согласен. Среда вам подходит?

– Вполне, – улыбнулась фрау Кёне и повернулась к служанке: – Запиши, Жюли! Первая среда следующего месяца!

– Этого, – поправил генерал.

Мачеха дернулась, точно через нее пропустили электрический ток, высоко вскинула брови:

– Но ведь это…

– Послезавтра.

Теперь дернулась уже я. Не может быть! Я не согласна! Почему никто не спрашивает меня, хочу ли я выходить замуж?

– Ну, знаете… – начала я и получила обжигающий взгляд от мачехи.

– Ваше сиятельство, – елейным голоском заговорила она, – не кажется ли вам, что это как-то быстро…

– Не кажется, – отрезал генерал. – Мы тянули достаточно.

– Но фройлен Мэрион еще слаба, она еще не совсем поправилась…

– Фройлен вполне хорошо себя чувствует, – жестко проговорил генерал и, растянув губы в холодную усмешку, добавил: – Судя по ее аппетиту.

Я вспыхнула и в возмущении отложила салфетку. Нахал!

– А как же приготовления? – растерянно проговорила фрау Кёне, не ожидавшая от генерала такой прыти. – Мы должны выбрать церковь, договориться со святым отцом…

– Неподалеку отсюда я видел церквушку, – перебил генерал. – За десять золотых священник обвенчает меня хоть с чертом.

– Украсить ее к торжеству…

– Я человек военный и пышности не люблю.

– Разослать приглашения…

– Предпочитаю свадьбу в семейном кругу.

– Выбрать подвенечное платье, наконец!

– Мне нравится это. – Он ткнул пальцем в мой нежно-голубой наряд.

Фрау Кёне расстроенно всплеснула руками и простонала:

– Но как же приданое? Я должна приготовить приданое моей девочке, моей любимой падчерице…

– У вас было время заняться этим, фрау Кёне, – в раздражении ответил генерал. – Свадьба будет послезавтра, и ни днем позже!

В подтверждении своих слов он стукнул кулаком по столу. Приборы жалобно звякнули, солонка опрокинулась вторично.

«Рассыпать соль – к несчастью», – прокрутилось в голове, и я рывком поднялась с места.

– Да вы что? – задыхаясь, возмущенно начала я. – Как можно… по какому праву вы обсуждаете меня за моей спиной, распоряжаетесь мной, как мебелью? – Я вскинула подбородок и ткнула пальцем в фрау Кёне. – Вы и ваш отвратительный невоспитанный сынок! Слабак, только и умеющий, что избивать служанок плетьми и зажимать юных девушек! Трус! – выплюнула я в лицо Якобу. – И я вовсе не собираюсь замуж! Ни за вас, – я указала на генерала, – ни за кого-то еще! Я вообще не должна тут находиться! Не хочу быть здесь! Идите к черту!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/fler_polina/poceluy-vasiliska

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити